

В столовой все до единого устали смотреть в телевизор, оживленно переговариваясь. Человек на экране был им хорошо знаком: он часто приходил к Цзи Фэйя, каждый день приезжал на разных роскошных авто — то на «Мерседесе», то на «БМВ», то на «Феррари», — а еще однажды избил профессора Сюя из-за инцидента с Цзи Фэйя. Он был настоящей местной знаменитостью. С самого начала все считали его ненормальным, и, как выяснилось, не зря.

Цзи Фэйя грызла палочки для еды, то и дело постукивая ими по чашке. В последние дни на нее свалилось столько неприятностей, а тут еще и это. Жгучие взгляды, устремленные ей в спину, заставляли её едва ли не вскочить и закричать: «Насмотрелись уже?!»

Впрочем, винить стоило только себя — нечего было так выпендриваться, заставляя Шангуань И постоянно менять машины, чтобы забирать её из университета, да еще и подбивать его на расправу с профессором Сюем. Хотя профессор тогда лишь посмеялся над её глупостью, она, затаив обиду, соврала Шангуань И, будто тот дал ей пощечину. В итоге Шангуань И избил профессора, а тот, не желая раздувать скандал, промолчал. Но Цзи Фэйя до сих пор помнила свой тогдашний вид: она словно объявляла всему миру — попробуйте только сказать обо мне дурное, я вам устрою. Сейчас, оглядываясь назад, она понимала, что сама навлекла на себя беду.

— Цзи Фэйя, его что, отправили в психушку? — съязвила одна из девушек.

— Какое тебе дело!

— Ой, он так тебе помогал. Если узнает, что ты теперь вот так о нем говоришь, разве ему не будет обидно?

— Главное, что мне не обидно, — отрезала Цзи Фэйя и, обойдя её, вышла из столовой. Что за люди, вечно лезут не в свое дело? Святоши нашлись! С какой стати они вообще обсуждают её поведение? У них с Шангуань И были сугубо дружеские отношения, но окружающие вечно всё усложняли, словно она была его любовницей. Именно поэтому она и не заводила с ним роман. То ли дело Оуян Кэнь — он был первым красавцем университета, и знать его было всё равно что знать Обаму. Вот и стала она «святошей» сразу, как только начала встречаться с Оуяном.

Хань Цихэ яростно щелкал мышкой. Шангуань И... психически больной! Неужели у него был дар предвидения? Он ведь сам раньше называл его психом, а сегодня это уже в новостях передают. Причем сообщил об этом его собственный отец. Значит, он в смертельной опасности? За три секунды Хань Цихэ запер все двери и окна.

За окном моросил дождь. Он не знал, что и думать: глушь, непогода — идеальные условия, чтобы убить человека и скрыть следы. Хань Цихэ не на шутку встревожился, хотя Шангуань И вроде бы не выглядел как буйный шизофреник, склонный к внезапным приступам. Может, сделать вид, что ничего не знает, и уволить его? Нет, уволить его — всё равно что подписать себе смертный приговор. Ситуация патовая: он умел находить подход к кому угодно, но только не к сумасшедшим!

— Хань Цихэ, ты ведь говорил, что эта одежда спонсорская? Её нужно постирать? Или просто повесить сушиться?

— Выбрось её!

— Разве не будет проблем из-за того, что она испачкана?

— Я попросил других прислать мне новую.

— Ну ладно.

Не успели стихнуть шаги Шангуань И, как снаружи раздался настойчивый телефонный звонок. Если он будет звонить и дальше, Хань Цихэ сам сойдет с ума. Кроме Ань Цзыфан, никто другой не стал бы звонить по этому номеру.

Ань Цзыфан была женщиной с богатой фантазией: она целыми днями грезилась о том, что Сюй Фаньфэн может вернуться из другого измерения, поэтому звонила каждый божий день.

— Хань Цихэ...

Хань Цихэ поправил причёску — словно собирался с ней встретиться — и, глубоко вздохнув, распахнул дверь. Отозвавшись, он побежал в гостиную.

— Ань Цзыфан.

— Цзыфан...

— Кто только что подходил к телефону?

— Человек, который здесь работает.

— Не приводи в мой дом людей из вашей тусовки, я не хочу, чтобы кто-то знал об этом месте. Я звоню, чтобы сказать: возможно, я скоро вернусь.

— Когда?

Ответа не последовало, в трубке лишь раздавались короткие гудки. Хань Цихэ, сжимая телефон, тихо улыбался.

— Это будущая хозяйка дома?

Хань Цихэ энергично закивал. Шангуань И, напротив, помрачнел: если она вернется, им придется съехать. Он не ожидал, что останется без работы так быстро. Ирония судьбы.

— А как же я? — ему очень хотелось задать этот вопрос, не заботясь о приличиях, но он промолчал. Гордость не позволила.

— Иди сорви всю клейкую ленту! Сегодня у нас генеральная уборка.

Не успел он договорить, как Шангуань И уже вытащил пылесос и прочий инвентарь, свалив всё в углу.

— Вжж-вжж! — звук раздираемой ленты резал слух, но Шангуань И, казалось, получал от этого огромное удовольствие. Хань Цихэ с изумлением наблюдал за мужчиной. У этого парня явно были странные наклонности — надо же так наслаждаться процессом отдиранья скотча.

— Хань Цихэ, давай быстрее! Посмотрим, кто справится раньше.

Кому охота заниматься этой детской ерундой? Хотя он так думал, руки сами собой задвигались очень проворно.

— Что ты здесь запечатал?

— Их воспоминания. Но раз они решили вернуться, значит, она всё отпустила.

Хань Цихэ прислонился к дверному косяку, продолжая медленно тянуть ленту, словно боясь причинить ей боль.

— А мне можно заглянуть внутрь?

Хань Цихэ и сам там ни разу не был, поэтому предложение Шангуань И пришлось как нельзя кстати. Каждый из них толкнул дверь в свою комнату. В этот момент дождь усилился, с грохотом ударяя по стеклам, словно пытаясь пробить их насквозь.

Внутри были лишь картины и фотографии. Одно и то же знакомое лицо смотрело на него отовсюду. Хань Цихэ осторожно коснулся портрета. Прошло шесть лет, пора бы ей вернуться. Даже если она не позволит ему заботиться о себе, ей следовало... вернуться и увидеть, насколько глубоки эти запечатанные воспоминания.

Шангуань И подбежал к Хань Цихэ, с изумлением оглядывая всё вокруг. Площадь этажа составляла не меньше шестисот квадратных метров, и всё это пространство — кроме гостиной, ванной и коридора — было заполнено портретами и фотографиями одной женщины. Они висели на стенах, валялись на полу, даже потолок был оформлен по индивидуальному заказу.

Никто не мог и представить, насколько сильно этот мужчина был одержим женщиной с картин.

— Это ты нарисовал?

— У меня не так много вре... — Хань Цихэ осекся. Сюй Фаньфэн был бизнес-магнатом, ворочавшим делами в обоих мирах, основателем множества компаний. Он вел себя скромно, но если бы не это, он стал бы богатейшим человеком Китая! Разве мог он сравниться с ним по занятости? И раз Сюй Фаньфэн успевал всё это делать, с какой стати он говорит, что у него нет времени?

— На втором и третьем этажах, наверное, то же самое...

Хань Цихэ поднялся на второй этаж. Он принялся срывать ленту с особой жестокостью и скоростью, будто она была должна ему миллионы.

В воздухе по-прежнему стоял едкий запах — вероятно, какое-то химическое средство для консервации. Взгляд Хань Цихэ потускнел.

Раньше он думал, что Сюй Фаньфэн женился на Ань Цзыфан лишь из прихоти. Тогда Ань Цзыфан, сама не понимая, что делает, поставила подпись в свидетельстве о браке, приняв его за объявление о найме на работу. Они даже не были знакомы до этого. Сюй Фаньфэн решил судьбу Ань Цзыфан своим «наймом жены». На глазах у Хань Цихэ он давал ей пощечины, заставлял делать аборт, довел до попытки самоубийства, постоянно подозревая в изменах. Каждый раз, видя, как он с ней обращается, Хань Цихэ хотел забрать её с собой. Он говорил, что, хоть у него и нет таких денег, он будет беречь её и не даст в обиду. Но она отказывалась, ведь, несмотря ни на что, они любили друг друга. Лишь когда он, не раздумывая, бросился её спасать, он понял, насколько уступает Сюй Фаньфэну. У него не было права любить Ань Цзыфан. Но судьба жестока: Сюй Фаньфэн скончался, но перед смертью оставил завещание, по которому всё состояние переходило Ань Цзыфан. Теперь, глядя на эти три этажа, увешанные её портретами, он лишь еще больше убедился в силе их чувств.

— Хватит смотреть! — Шангуань И ударом ноги разбил портрет, стоявший перед ними. Осколки стекла разлетелись в стороны. Хань Цихэ в испуге посмотрел на него, его тело начало дрожать.

— Я пойду в свою комнату... — Хань Цихэ судорожно вздохнул и стрелой помчался прочь. За его спиной раздался оглушительный грохот захлопнувшейся двери — казалось, от этого звука содрогнулось всё здание.

Хань Цихэ прижался спиной к двери, тяжело дыша. Сердце колотилось в десять раз быстрее обычного, он крепко схватился за грудь.

— Хань Цихэ!

Шангуань И с силой забарабанил в дверь. Он беспокоился: вдруг он перегнул палку? Неужели тот сейчас сидит в комнате и плачет?

Хань Цихэ вытаращил глаза, не зная, к кому взывать о помощи. Неужели его жизнь оборвется здесь и сейчас? Он еще не успел пожить! Знал бы, чем всё обернется, лучше бы спас тогда Цзыфан.

— Вжж-вжж!

Разве это не звук электропилы? В фильмах такие психи обожают убивать людей именно этим инструментом. Что же делать? Хань Цихэ лихорадочно схватил лист бумаги и стал писать: «Прощайте, прощайте, прощайте...» — он заполнил всё пространство словом «прощайте», видимо, от страха совсем лишившись рассудка и не зная, что еще написать.

Шангуань И выбил дверь, вырвал из рук Хань Цихэ ручку, швырнул её в мусорное ведро и, мельком взглянув на лист, рявкнул:

— Ты что, совсем дурак?

Хань Цихэ сглотнул, глядя на работающую электропилу, которая находилась всего в доле миллиметра от него.

— О! Прости, забыл выключить.

Хань Цихэ выдавил из себя натянутую улыбку. С сумасшедшими не только опасно связываться, от них еще и не спрячешься...

<http://bllate.org/book/20778/2084716>